

1. Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1964.
2. Siebs Th. Deutsche Hochsprache. Berlin, 1961.
3. Krech E.-M. Sprachwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zum Gebrauch des Glottisschlages in der allgemeinen deutschen Hochlautung. Basel — New York, 1968.
4. Duden. Aussprachewörterbuch. Mannheim, 1962.
5. Дмитриевская Е. И. Фоно-орфографическое, морфологическое и лексикосемантическое освоение англицизмов современным немецким языком: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Львов, 1969.

6. Камалов Н. К. Роль внутренних и внешних факторов в процессе заимствования словообразовательных средств: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.
7. Ярцева В. Н. Количественные и качественные изменения в языке. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
8. Вербицкая Л. А. Система и норма (Фонетические аспекты). — Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Топеза, 1983, вып. 206.
9. Viëtor W. Die Aussprache des Schriftdeutschen. ii. Aufl., Leipzig, 1925.
10. Zunder L. P. О лингвистической вероятности. — В кн.: Вопросы статистики речи. Л., 1958.
11. Schindler F. Beiträge zur deutschen Hochlautung. Hamburg, 1974.

Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). — М.: Наука, 1982. 304 с. с прил. схем.

Более 80 лет тому назад П. М. Мелиоранский отмечал, что для исторической грамматики тюркских языков наряду с изучением живых диалектов все же существенную роль будут играть письменные памятники языка. Тюркология прошла за эти годы огромной дорогой накопления новых сведений по современным языкам и диалектам, говорам, а также введения в оборот материалов из большого числа письменных памятников. Однако следует, видимо, признать, что методика использования данных письменности за этот же период претерпела мало изменений. И в последние годы все отчетливее стала осознаваться диспропорция между накоплением, можно сказать, довольно однородных фактов из разных письменных текстов и теоретическим осмыслением этих фактов в плане исторической грамматики. Поэтому проблема выработки новой методики использования материала памятников стала для современной тюркологии чрезвычайно актуальной.

Определенные успехи достигнуты благодаря применению методов системного описания фактов языка их в историческом развитии. Но успехи смежных отраслей языкознания, прежде всего — русского, германского, романского, призывали тюркологов к дальнейшему обогащению методики исследований. На тюркском материале начали успешно выполняться лингвгеографические и ареальные исследования, и советские ученые стали во главе этих перспективных направлений тюркологии. И давний вопрос о роли и возможностях вовлечения данных из письменных памятников зазвучал с новой силой. Возникла и проблема, как связать материалы из старых текстов с огромным набором сведений, собранных ранее и постоянно пополняемых диалектологией тюркских языков.

В этом плане книга Г. Ф. Благовой представляется весьма важным и поучительным опытом — в значительной сте-

пени новаторским — «освоения непосредственного языкового материала» (А. К. Боровков) и решения указанных методических вопросов. В монографии предложена конкретная методика интерпретации языковых фактов, извлеченных из письменных памятников, и сопоставления их с данными современной диалектологии, что позволяет включить их в общую историю развития тюркских языков и диалектов конкретного региона. Опираясь на достижения в теории и практике отечественной лингвистической географии и исторической диалектологии (В. М. Жирмунский, М. А. Бородина), тюркской лингвгеографии и ареальной лингвистики (Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников), исторической диалектологии и истории тюркских литературных языков (А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. К. Боровков, Э. Р. Тенишев и др.), современной диалектологии тюркских языков и исторической грамматики (С. Е. Малов, Е. И. Убрятова, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, а также Г. Дёрфер и др.), автор разработал комплексную методику лингвоисторического описания и интерпретации фактов морфологии (с учетом исторической фонетики) в историко-функциональном аспекте, что дает возможность прояснить взаимосвязь и взаимообусловленность диахронических и синхронических явлений. Представляется, что именно комплексный характер методики, учитывающей разные аспекты исследования в синхронном и диахроническом планах, прежде всего и привлекает внимание читателя в данной книге.

Предложенная автором методика иллюстрируется в работе описанием категории склонения — одной из ключевых и базовых категорий тюркской грамматики. Здесь хотелось бы отметить научную смелость автора, его уверенность в действенности своего метода, когда в качестве объекта изучения была избрана казалось бы всем известная и неоднократно описанная категория. Однако читателю

узнает о ней много нового и интересного. Помимо всего, успеху, как представляется, способствовало то обстоятельство, что Г. Ф. Благова смогла отказаться от некоторых традиционных грамматических взглядов на тюркское склонение. Она связала эту категорию с категорией принадлежности — другой базовой категорией языка, и на этой основе выделила 4 классификационных межъязыковых типа тюркского склонения, причем учитывались и мнения, высказанные об изучаемом явлении отдельными тюркологами начиная с Казем-Бека. Отражение выделенных 4 типов прослежено и в истории, и в современных языках и диалектах. Как оказалось, классификационные признаки склонения хорошо работают в общей схеме признаков разных групп тюркских языков и диалектов.

Очень важным является также учет в полной мере таких фактов, как функционально-стилистическая неоднородность книжно-письменных языков средневековья и вызванная этим стратификация текстов, а также признание неоднородной социолингвистической ситуации в исследуемых регионах в разные исторические периоды. Последнее дает возможность достоверно представить соотношение письменных языков и местных диалектов, уточнить роль наддиалектного характера этих языков, осознать различное понимание «норм» на отдельных этапах развития литературных языков.

Важное значение имеют для исторической тюркологии результаты соотнесения фактов современных диалектов и памятников, это дает ценный материал для истории склонения в языках среднеазиатского региона. В методическом отношении представляется весьма поучительной убедительная интерпретация типов склонения и особенностей их интерференции на фоне базисных типов склонения, отражаемых в письменных источниках и современных языках и диалектах.

В структурном плане рецензируемая монография состоит из Введения, шести глав, Заключение и аппарата.

В компактном Введении обосновывается тема и задачи работы, сообщаются сведения из истории идей ареальной лингвистики, предварительно обсуждаются объект и методика его изучения. Здесь же вводятся в научный оборот взаимосвязанные понятия «исторические центральные зоны распространения типов склонения» и «возможные иррадиации того или иного типа в различных временно-исторических направлениях».

В синхронически намеченные границы изученного ареала оказались вовлеченными прежде всего многочисленные и разнородные данные по современным казахскому, каракалпакскому, киргизскому, лобнорскому, новоуйгурскому, сарыг-югурскому, туркменскому, узбекскому и хорасанскому языкам, а также их диалектам и говорам.

Диакронический же подход обеспечивался описанием под определенным углом зрения караханидско-уйгурских и чагатайских текстов, восходящих соответственно к XI—XII и XV—XVI вв.

Из шести глав первая и последняя ка-

сают о проблем склонения почти во всех тюркских языках, а остальные посвящены конкретной ретроспективной проверке выдвинутых автором теоретических постулатов на обильном фактическом материале трех исторических срезов состояния юго-восточных тюркских языков: нынешнем, ранне- и позднесредневековом.

Глава I «Принципы описания тюркского склонения» имеет общетюркологическую значимость, поскольку трактует практически все возможные варианты надежных оформителей: три структурные парадигмы — именную, посессивно-именную и местоименную и четыре межъязыковых типа — огузский, кыпчакский, уйгурско-кыпчакский и карлукский (следует заметить, что два последних постулированы впервые в тюркологии). Так, уйгурско-кыпчакский тип (сарыг-югурский, тувинский и чумбийский языки) отличается симметричностью межапарадигмных соотношений и структурной стройностью, будучи связан исторически с типом склонения караханидско-уйгурских текстов. Увязка истории с современной локализацией дает возможность обосновать языковые контакты этих ныне отдаленных друг от друга ареалов в ранние эпохи, когда наблюдалась экспансия древнеуйгурского языка за пределы Восточного Туркестана, и поэтому далеко не случайно проекция пучков изоглосс в зону бытования сарыг-югурского языка. С другой стороны, анализ карлукского типа (узбекский и уйгурский языки) в диахроническом и ареологическом планах (письменные памятники — современные диалекты), а также установление его изоглоссных связей дают возможность уточнить диалектное членение узбекского языка и направление интеграции древних диалектов. Именно последнее обстоятельство отражает практическую ценность работы для современного узбекского языкознания.

При этом традиционный тезис о едином формально-структурном характере тюркского склонения, сформулированный в 40-х годах Н. К. Дмитриевым, в принципе остается неизбыллем. Действительно, морфологические структуры надежных постфиксов представляются достаточно единообразными, а их варианты от языка к языку и даже в пределах одного языка могут быть квалифицированы как морфонологические аллоэмы (таков, к примеру, показатель локатива—темпоралиса *-da*, совпадающий в абсолютном большинстве тюркских языков — разумеется, с учетом сингармонических вариаций).

В главе II «Ареальное исследование склонения в живых тюркских языках и диалектах юго-восточного региона» использованы практически все сведения, добытые предшественниками Г. Ф. Благовой и нетривиально переосмысленные ученым. Особенно поучительна в плане методики техника ареального обследования языковых и диалектных системно связанных изоглосс, ранее разработанная Н. А. Баскаковым и Н. З. Гаджиевой, но творчески примененная к дифференцированному отражению разнотип-

ных форм склонения на аналитических картосхемах именно автором рассматриваемого труда. Не менее интересны результаты, полученные автором самостоятельно при проведении стратификации литературно-языкового материала в разных текстах. Предложенная Г. Ф. Благовой методика такого анализа позволяет в полной мере использовать литературные памятники для изучения истории отдельных языков. И это очень важно, так как обычно в тюркологии ссылаются на «смешанный характер» языка текстов. Исследователь предлагает выделять наддиалектные черты и выявлять особенности живых говоров, отразившиеся в памятниках. Поэтому рецензенты не могут не оценить положительно данный важный методический прием Г. Ф. Благовой.

Последующие три главы выявляют картину тюркского склонения в текстах средневековой книжности на протяжении четырех столетий, представленной дидактическими, филологическими и поэтическими произведениями Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари, Ахмада Югнаки, Алишера Навои, Захиреддина Бабур, Мухаммада Салиха и других классиков.

Нельзя не отметить чрезвычайно эффективный прием вычленения и дистриктивных базисных и периферийных систем склонения в каждом письменном памятнике, что сопряжено с жанрово-метрическим и функционально-стилистическим изучением литературного языка, особенно в его беллетристических образах.

Попутно Г. Ф. Благова ставит и по возможности решает многие актуальные вопросы локализации и датировки памятников, «привязки» их к тем или иным диалектным базам, соотношения традиций и новаторства в индивидуальном творчестве и стиле отдельных писателей Восточного Ренессанса. Например, вполне убедительно авторское уточнение рамок функционирования книжно-литературного «чагатайского» языка.

Весьма существенна для построения модели генезиса категории падежа от ее праторского реконструкции до позднейших рефлексов глава VI «К истории развития тюркского склонения».

В Заключении подводят итоги исследования, в частности Г. Ф. Благова удачно увязывает новую типологию тюркского склонения с общепринятой классификацией тюркских языков А. Н. Самойловича.

Справочно-ссылочный аппарат книги включает в себя источниковедческие и библиографические перечни. Самостоятельную ценность представляют тщательно выполненные семь картосхем, двенадцать таблиц и шесть диаграмм с размещением на них пучков падежных изоглосс, нанесением границ микроареалов для каждого падежа, указанием концентров средоточия склонения разных типов, а равно иррадиаций из них на периферию и за пределы региона.

В любой по-настоящему поисковой работе (а именно такой является, бесспорно, монография Г. Ф. Благовой) неизбежны полемические заострения вопросов, дискуссионные тезисы, неоднозначные

ответы. До некоторой степени все это присуще и рассматриваемой книге.

Так, двудеяная цель исследования — разносторонний анализ системы тюркского склонения и картографическое определение ареальных границ юго-восточного региона тюркоязычной ойкумены — тесно переплетается с историко-лингвистической экспертизой диалектно-языкового материала и литературоведческой оценкой эстетического содержания и жанрово-стилистического своеобразия художественно-поэтических текстов мусульманского средневековья. Естественно, что столь широкий диапазон подчас довольно далеких друг от друга тематических аспектов невольно наводит на мысль о совмещении под одной обложкой нескольких вполне автономных штудий — ср. в книге о склонении авторскую дефиницию главы V «Исторические взаимоотношения книжно-письменных языков XI—XII и XV — начала XVI в. и средневековых тюркских диалектов юго-восточного региона».

В то же время читатель обширного труда о тюркских падежах хотел бы получить более исчерпывающую и равноценную информацию обо всех падежных формах, а не только преимущественно о пяти-шести ко с в е н н ы х, как это исполнено Г. Ф. Благовой. Противопоставление последним именительного (главного, основного) падежа позволило бы пролить дополнительный свет на исключительно спорную проблему н у л е в ы х форм в тюркском склонении — как известно, новейшие изыскания в этой области убеждают в том, что по крайней мере ряд падежных значений (в первую очередь именительного, родительного и винительного падежей) может быть снабжен как нулевыми маркерами, так и специальными формантами¹. Этому отнюдь не противоречит специально оговоренное в книге рассмотрение преимущественно базовых и дистриктивных форм падежей, определяющих сущностные стороны категории склонения.

В сводный обзор фиксируемых падежей следовало бы включить, на наш взгляд, и спорадически встречающиеся формы компаратива, терминалиса, уподобительного падежа, не говоря уже о вокативе, что дало бы дополнительный материал для анализа.

Противоположение центра и периферии ареала исторически изменчиво, поэтому можно было бы еще более выпукло подчеркнуть, что Средняя Азия (диахронически Мавераннахр и Золотая Орда) выступает сама в роли маргинальной территории по отношению к предшествовавшему местообитанию общетюркского этноса.

Снабжение книги подробным постраничным «Индексом падежных морфем» дало бы возможность использовать ее как удобный справочник по тюркскому склонению.

Итак, ценность рецензируемого труда для специалистов определяется прежде

¹ См. довольно полную сводку и оценку источников по проблеме в [1].

всего решением в нем актуальных методических вопросов, выработкой комплексной методики изучения пространственно-исторической локализации явлений тюркской грамматики, что продуктивно в плане синхронии и диахронии и что дает новый стимул в изучении письменных памятников.

Исследование Г. Ф. Благовой, принципиально по-новому плодотворно решающее задачи пространственно-исторической характеристики падежного строя юго-восточных тюркских языков, относится к числу тех достижений отече-

ственной тюркологии, которые достойно представляют нашу лингвистическую науку в целом.

Гарипов Т. М., Насилов Д. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильданова Н. Г. Нулевые формы башкирских падежей и их эквиваленты в иносистемных языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Уфа, 1984.

Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Редактор академич Лувсандан Ш. — Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл. II-р дэвтэр, 1980. 192 х.; I-р дэвтэр, 1982, 164 х.

Автор рецензируемого труда чл.-корр. АН МНР А. Лувсандэндэв хорошо известен широкому кругу монголоведов как крупный лексикограф и специалист по истории монгольского литературного языка. Он является одним из авторов Монгольско-русского словаря (1957) и двухтомного Русско-монгольского словаря (1966—1969), который вышел в 1983 г. вторым, переработанным и дополненным изданием (см. рецензию в ВЯ, 1985, № 2). Наряду с большой научно-организационной и лексикографической деятельностью, А. Лувсандэндэв ведет исследовательскую работу в различных областях монгольской филологии, особенно языкознания, о чем свидетельствует монография «Некоторые проблемы филологии», состоящая из двух книг. Вошедшие в них статьи посвящены актуальным вопросам и написаны в разные годы. Рассеянные по научным журналам и сборникам, они не всегда были доступны читателям, собранные же воедино, они дают целостное представление о научных интересах автора и привлекают внимание к наиболее важным проблемам монгольского языкознания. Многие из них отличает теоретико-методологическая направленность.

Ученого интересуют в первую очередь вопросы формирования и развития национального литературного языка монголов. Как известно, академики Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, проф. Г. Д. Санжеев и другие ученые воссоздали исторический путь развития монгольских языков и старописьменного монгольского языка. А. Лувсандэндэв, опираясь на факты, которые стали известны в последние годы, расширяет и углубляет наши представления о раннем периоде развития монгольских языков. Проблемы языка и письменности древних монголов рассматриваются в таких статьях, как «Табгачский язык», «Тоба», «К расшифровке табгачских слов *k'i-hai-tchen, fou-tchou-tchen*», «Из истории монгольской письменности», «Формирование монгольского национального литературного языка», «Некоторые вопросы сравнительной грамматики монгольских языков и диалектов» и др.

На основании тщательного анализа некоторых материалов из исторических сочинений «Вей шу» и «Суй шу» автор приходит к выводу о том, что табгачи, имевшие собственное государство Тоба-Вей (368—581 гг.), первыми из древнемонгольских племен создали письменность на родном языке. Это было время Жужаньского каганата (IV—VI вв. н. э.), возникшего после падения государства Сяньби (I—III вв. н. э.). Графическое письмо табгачей просуществовало до 425 г., когда согласно «Вей шу», была создана новая письменность, которой, по предположению А. Лувсандэндэва, могло быть и орхонское руническое письмо. Мнение о табгачской письменности как древнемонгольской разделяется также венгерскими учеными.

Вторым древним монгольским племенем, имевшим свою письменную культуру, являются кидане, образовавшие свою империю в X—XII вв. Образцы их письменности дошли до нас в китайских переводах. В китайской же транскрипции сохранились и киданские слова, которые с определенной долей вероятности позволяют отнести киданский язык к среднему периоду в развитии монгольского языка.

Дальнейшим продолжением письменных традиций у монголов, по мнению ученого, явилось распространение среди другого монгольского племени (найманов или керейтов) разновидности уйгурского алфавита, которая с XIII в. получает широкое распространение. В модифицированном виде эта система письма сохранилась до наших дней.

В статьях «Из письменных традиций кочевников Центральной Азии», «Из истории монгольской письменности» автор высказывает мысль о том, что народы, обитавшие на территории МНР, прошли пиктографическую, идеографическую и алфавитную стадии развития письменности, и все они зафиксированы в памятниках. За последние десять веков своей истории монголы знали свыше десяти видов письма, которые они пытались приспособить к звуковой системе своего языка.

Академиком Б. Я. Владимирцовым на